

A movie poster for 'The Sorcerer's Apprentice 4: The Apprentice'. The central figure is a young man with dark hair, wearing a long, dark, worn-out coat over a light-colored shirt and dark pants. He has a large backpack and is walking on a muddy, winding dirt path through a dense forest. In his right hand, he holds a glowing, blue, spherical magical orb with intricate patterns. The background shows a forest path leading into the distance under a blue, twilight sky with a full moon. The title 'ВОЛЬНЫЙ ЛЕКАРЬ' is written in large, white, stylized Cyrillic letters at the top, with a '4' in a triangle above the 'А' in 'ЛЕКАРЬ'. At the bottom, the word 'УЧЕНИК' is written in large, white, stylized Cyrillic letters with arrowheads pointing left and right. Below the title, the names 'СЕРГЕЙ КАРЕЛИН' and 'ЕГОР ЗЛОТАРЕВ' are listed in white capital letters.

ВОЛЬНЫЙ 4 ЛЕКАРЬ

УЧЕНИК

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗЛОТАРЕВ

**Егор Золотарев
Сергей Карелин**

Вольный лекарь. Ученик. Том 4
Серия «Вольный лекарь», книга 4

*<https://litres.ru/73997683>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я был вынужден покинуть Иркутск раньше, чем рассчитывал. В городе у меня остались друзья и более-менее стабильная жизнь, но единственная возможность спастись от тюрьмы – снова пуститься в путь. Теперь я отправляюсь в столицу, чтобы поступить в медицинскую академию. Я не знаю с какими опасностями, лихими людьми и загадочными сущностями мне предстоит столкнуться по дороге, но знаю точно, если руномаг ставит себе цель, то остановить его может только смерть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	39

Егор Золотарев, Сергей Карелин Вольный лекарь. Ученик. Том 4

Глава 1

Пепельная шла по дороге, покрытой булыжниками, и стук ее копыт звонко разносился по опустевшему и притихшему городу. По пути попадались редкие прохожие. Вот фонарщик на нетвердых ногах идет вдоль дороги и напевает под нос веселенькую песенку. Через пару десятков метров встретились трое рабочих в комбинезонах кирпичного завода. Почти у каждого дома лениво брехала собака. Все было как всегда. Единственное, что поменялось — мое внутреннее состояние.

Я был растерян и впервые за последнее время не знал, что делать. Городничий дал мне срок до утра убраться из города, но я не был готов к этому. Единственный путь — на Москву. Но как туда добраться? Я никого не расспросил о дороге, и карты у меня не было. Даже сейчас я просто позволил Пепельной идти, совершенно не понимая, в правильном ли

направлении она двигается.

Немного придя в себя, я вспомнил, что из города много дорог ведут в разные стороны и к разным поселениям, поэтому решил остановиться и спросить у кого-нибудь, в каком направлении двигаться на Москву, но сейчас, как назло, на улице никого не было.

Пепельная все шла и шла, а я удивился тому, что спустя полчаса пути так никого и не встретил. Эх, надо было у рабочих спросить. Даже пришла мысль развернуть лошадь и догнать их, но тут вдаль увидел фигуру в белой рубаше.

Тут же двинув Пепельную пятками по бокам, поскакал к человеку. Когда подъехал ближе, увидел, что человек, которого сначала принял за мужчину, оказался женщиной в коротком белом платье. Неожиданно, ведь женщины здесь прикрывали все тело и даже прятали волосы под платками, а эта стоит у фонаря с распущенными космами и в тонком платьице, сквозь которое просвечивают темные соски.

Она пошла мне навстречу и остановилась у морды Пепельной. Я внимательно ее осмотрел: губы накрашены красной помадой, на щеках красные кружки, наверняка сделанные этой же помадой, брови неестественно черные. Она слегка улыбнулась и, приподняв подол и так короткого платья, кокетливо спросила:

— Господин, не желаете ли провести со мной ночь?

Голос у нее был с легкой хрипотцой, а взгляд таким наглым и изучающим, что мне почему-то стало неловко. В про-

шлой жизни я часто встречал подобных женщин, но в этом мире — ни разу, поэтому немного растерялся и на мгновение задумался.

— Соглашайся, много не попрошу, — она сделала еще шаг, протянула руку и провела по моему бедру. — А-а-а, так ты еще совсем молоденький. Может, ты еще никогда не был с женщиной-то? Тем более соглашайся. Эту ночь ты никогда не забудешь, — она приоткрыла рот и призывно облизала губы.

— Э-э-э, я вообще-то тороплюсь, — ответил я, сглотнув. — Лучше дорогу подскажи.

Женщина непонимающе уставилась на меня и отдернула руку.

— Не подскажу, — буркнула она, развернулась и хотела уйти, но я крикнул её вслед.

— Заплачу.

Она остановилась, с подозрением посмотрела на меня и протянула руку.

— Сначала деньги, а то знаю я вас. Все только и норовят воспользоваться, а как дело до денег доходит, оказывается, что в кармане ни гроша.

— Сколько? — спросил я и полез в карман, в который положил мелочи на мелкие расходы. Остальные деньги держал в рюкзаке, который купил сразу после похода на сопку, ведь мне очень понравился рюкзак Семена, в котором было много кармашков для удобного хранения.

Женщина слегка улыбкунулась, и я заметил, как взгляд ее блеснул в свете уличного фонаря.

— Рубль за час, а если на всю ночь — можно договориться.

— Нет, мне только спросить, — напомнил я, на что женщина с раздражением выдохнула.

— Дай десять копеек, и будет с тебя, — она протянула руку, в которую я опустил монету. — Что спросить хотел?

— По какой дороге ехать в Москву?

Брови жрицы любви поползли вверх.

— В Москву собрался? Один?

— Да, а что такого?

— Ничего, — пожалала она плечами. — Первый раз вижу человека, который готов ехать в такую даль в одиночку. Пропадешь ведь. Полно разбойников и прочего жулья.

— Это уже мои заботы. Куда ехать? — я начал раздражаться.

Женщина уперла руки в бока и огляделась, затем поцокала языком и махнула рукой куда-то в сторону.

— Влево возьми. На паром тебе надо.

— К Ангаре спуститься? — уточнил я.

— Да, зря вообще сюда поехал. Теперь крюк надо делать, — она наклонилась и спрятала монету в свои стоптанные набок туфли.

— Как паром найти?

— А что его искать? Небось один он. Спустишь и езжай

по набережной. Мимо не проедешь, — она развернулась и снова подошла к фонарю.

Вот она — ночная бабочка, которую видно издалека в ее белом платье.

Я развернул Пепельную и поехал в сторону Ангары. Женщина была права, пришлось делать довольно большой крюк, чтобы в полутьме не искать дорогу среди заводских строений, складов и прочих построек, которых в этой части города было огромное количество.

Когда добрался до парома, уже начало светать. Спешившись, подошел к мужчинам, стоящим на широкой пристани и неспешно о чем-то беседующим.

— Приветствую, — подал я голос, обращая на себя внимание. — Мне бы переправиться на другой берег.

Мужчины повернулись ко мне, бегло оглядели, но тут же потеряли интерес. Только один из них бросил через плечо:

— Жди утра. Первый рейс в пять часов.

— Спасибо, — я взял Пепельную под уздцы и осмотрелся.

Лезть в рюкзак за часами не стал: и так понятно, что сейчас около двух часов ночи. Ждать еще долго, поэтому повел лошадь с пристани на песчаный берег. У реки, над которой стоял плотный туман, было довольно прохладно, поэтому я полез в мешок с вещами, прикрепленный к седлу, и вытащил кафтан. Застегнувшись на все пуговицы, опустился на бревно и начал ждать.

Мысли непрерывным потоком проносились в голове.

Ночная бабочка в белом платье права — в дороге одному опасно. Поэтому надо прибиться к какому-нибудь каравану или попутным всадникам. Эх, зря карту не приобрел. Теперь на каждом перепутье надо голову ломать, туда ли поехал или совсем в другую сторону взял.

Жаль, что провалились мои планы о совместном путешествии с Полиной и Сергеем. С ними дорога была бы интереснее, веселее и гораздо приятнее. Как же все быстро меняется в моей жизни. Не успеваю я привыкнуть к одному положению вещей, как снова что-то случается и все меняется.

Теперь моя прошлая жизнь кажется стабильной и даже скучной, ведь тогда я точно знал, что меня ждет завтра, и планировал свою жизнь на годы вперед. Теперь же каждый день — вызов. С одной стороны, меня это совсем не пугало. Но, с другой, хотелось хоть немного спокойствия и уверенности в будущем.

Время шло мучительно медленно. Пепельная прохаживалась неподалеку и щипала молодую траву, я же совсем замерз. С Ангары поднялся ветер, который рассеивал туман и в то же время пронизывал меня насквозь.

Я потер окоченевшие пальцы и уже хотел воспользоваться энергией и нарисовать руну, но тут мой взгляд упал на выброшенные на берег белые куски деревьев. Быстро собрав их, разжег костер и, подтащив бревно, опустился рядом.

Веселый треск костра и тепло, исходящее от пламени, вмиг прогнали тяжелые мысли. Все у меня получится. Добе-

речь до Москвы, поступлю в академию, отучусь и свяжу свою нынешнюю жизнь с медициной.

Вскоре к моему костру подошли еще несколько человек, которые так же, как и я, ждали, когда паром начнёт ходить. Среди них был пожилой мужчина с двумя сыновьями-подростками и две старухи с котомками за спинами и с клюками в руках.

— Ну и погодка, — сказал мужчина и поднес руки к огню. — Аж до костей пробирает. Говорят, лето будет засушливое.

— Верь ты им больше, — одна из старух опустилась рядом со мной, вытащила из кармана телогрейки большой печатный пряник и без слов протянула мне.

Видимо, таким образом платила за возможность погреться у моего костра. Я принял дар и поделился пряником с парнями, которые бросили на него жадный взгляд.

— Что ж не верить? Приметы не просто так появляются. Годами проверены, — возразил мужчина и с кряхтением опустился на корточки. Коленные суставы застонали и захрустели.

— Вранье все, — махнула рукой старуха. — Старики всегда говорили: суровая зима — жаркое лето. Каждый год зима нас морозит, а лето то дождливое и все гниет на грядках, то засушливое и приходится с ведрами мучиться, то холодное и ничего не растёт. Никому веры нет.

— Ох, Михайловна, вечно ты ворчишь, — усмехнулся мужчина. — Видать, поэтому твой Витя к соседке сбежал на

старости лет.

— И пусть. Мне же лучше. Теперь сама себе хозяйка. Что хочу, то и делаю, — махнула она рукой.

Вдруг вторая старуха, которая какое-то время внимательно смотрела на меня, подошла поближе и спросила:

— Смотрю и не пойму: ты или не ты? Очень уж на знахаря нашего похож. На Степана-духогляда.

— Я и есть Степан, — кивнул я.

В тот же миг все внимание было обращено ко мне. Почти у каждого нашлись болячки, которые нужно вылечить. Посыпались вопросы по поводу здоровья, правильного питания и тому подобное. Мне было приятно такое внимание, ведь именно в эти моменты я чувствовал себя значимым и нужным. Ну и понятно спросили, почему я уезжаю, на что постарался ответить как можно более расплывчато.

К пяти утра, вокруг меня уже собралась целая толпа. Кто-то просто подошел посмотреть, по какому поводу собрание. А кто-то попросил лечения прямо здесь, на берегу Ангары.

— Эй, будете переплавляться или еще час подождете? — крикнул в нашу сторону с пристани бородатый мужчина в синем костюме из грубой плотной ткани и такого же цвета фуражке.

Люди вмиг потянулись к пристани. Я забросал песком догорающий костер, подозвал Пепельную и, взяв ее под уздцы, повел к парому.

Паром представлял собой два плоскодонных судна, соеди-

ненных общим помостом для людей и экипажей. К раме парома был прикреплен длинный толстый канат, противоположный конец которого утопал в середине реки. Раньше я никогда не встречал подобной конструкции, поэтому не мог понять, каким образом паром доставит людей на другой берег.

— С тебя пять копеек. За лошадь еще десять, — сказал тот самый бородатый мужчина.

Я расплатился и повел лошадь к парому. К отплытию судна люди все прибывали и прибывали. Многие заезжали на большой паром прямо с экипажами. Также рабочие перетаскивали с повозок различные грузы: деревянные ящики с прибитыми крышками, мешки и бочки.

Привязав лошадь к жерди, погладил ее по морде и на всякий случай нарисовал руну «Гармонии», ведь лошадь явно занервничала, когда поднялась на плавно качающийся паром.

Через минут двадцать все, кто явился к этому часу, прошли на судно, и бородач дал указание тем работникам, что стояли на пристани:

— Отвязывай!

Кто-то так же, как и я, замер, не зная, что будет дальше, но остальные продолжили разговаривать, смеяться и обсуждать последние новости.

Нагруженный паром медленно двинулся с места. Канат, что был привязан к нему, натянулся, а сильное течение ши-

рокой глубоководной реки принялось подгонять, казалось бы, неповоротливое судно.

Паром легко заскользил по воде, оставляя за собой мелкую рябь. В ушах засвистел ветер, послышался далекий крик чаек. Время будто замедлилось. Именно в этот самый момент я понял, что прежняя жизнь закончилась. Все, что со мной происходило, осталось на той стороне Ангары, а впереди меня ждет новая жизнь.

Сердце наполнилось надеждой на светлое будущее, которое во многом зависит именно от меня. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы прожить долгую и достойную жизнь и оставить только хорошие воспоминания о Степане Устинове.

Когда паром достиг середины реки и начал приближаться к противоположному берегу, я понял как он работает. Давление воды переносило судно от одного берега к другому по принципу маятника. Умно придумано.

Через несколько минут паром прибыл к противоположному берегу, и в толпе послышался вздох облегчения. Я тоже расслабился, хотя до этого стоял, вцепившись в жердь.

Когда паром закрепили и друг за другом все начали переходить по широким деревянным мосткам на берег, первые лучи солнца коснулись зеркальной глади Ангары. Ну вот и все, прощай, Иркутск. Жди, Москва.

Я повел Пепельную по деревянным мосткам, спустил с пристани и отошел в сторону. Вокруг, насколько хватало

глаз, стояли различные постройкИ: амбары с большими навесными замками, склады с охраной и злой собакой, сарайчики рыбаков и прочее. Вдали виднелись дома. Похоже, город начал разрастаться и на эту сторону реки.

Позволив лошади напиться, повел ее по грязной грунтовой дороге. Сначала дорога была одна, но вскоре вдалеке показался перекресток. Самое время спросить верное направление. Оглядевшись, увидел старика-сторожа у одного из складов. Он сидел на скамейке и чистил прошлогоднюю кедровую шишку. У его ног развалился большой лохматый пес, а рядом было прислонено старое ружье с потрескавшимся деревянным прикладом.

— Приветствую, — поздоровался я и с трудом удержал Пепельную, которая хотела рвануть вбок, испугавшись грозного рычания пса. Лохматый защитник в мгновение ока оказался на ногах и, приняв угрожающую стойку, злобно рычал.

— Утречка доброго. Чего хотел? — миролюбиво ответил старик и цыкнул на пса, который тут же умолк и снова лег на землю, но не спускал с меня настороженного взгляда.

— Подскажите дорогу до Москвы.

— В Москву собрался? — удивленно спросил он и осмотрелся. — Один?

— Да.

— Зря ты это затеял. Дорога длинная, чего только не случается. Надо было кого-нибудь в помощь взять.

— Некого брать, — честно признался я. — Ну так что,

покажете или у другого спросить?

— Подскажу, чего ж не подсказать, — он поднялся на ноги и указал на перекресток. — Влево возьми. Прямоком до тракта доберешься. По нему до самого Красноярска поедешь, а дальше спросишь.

— Спасибо, — кивнул я и хотел продолжить путь, но решил еще кое-что уточнить. — К вечеру до Красноярска доберусь?

Старик замер на мгновение, всматриваясь в мое лицо.

— Шутишь али как?

— Нет, не шучу. Я действительно не знаю, как далеко отсюда Красноярск.

Он тяжело вздохнул, покачал головой и, взглянув на меня как на умалишенного, ответил:

— Если дождей не будет, то недели за три можно добраться. А если дожди будут, то так дорогу развезет, что больше месяца уйдет.

— Как больше месяца? — напрягся я. — Мне ведь к середине лета в Москве надо быть!

Старик лишь развел руками. Руночерть задери эту глушь! Я же не успею!

Взобравшись на Пепельную, поехал к перекрестку и, выбрав указанную дорогу, пустил лошадь рысью. Нужно как можно быстрее преодолеть этот длинный путь. Наверняка от Красноярска до Москвы можно быстрее добраться. И почему я раньше не интересовался этим путем?

Не один я торопился прочь от Иркутска. По пути встречались повозки, временами меня обгоняли другие всадники. Мне не хотелось отставать, поэтому, махая рукой, я подгонял Пепельную, пока узкая проселочная дорога не свернула на широкую. Похоже, это и есть тракт.

Передо мной раскинулась дорога, с двух сторон обрамленная густым мрачным лесом. Легкая дымка тумана стелилась над расчищенной полосой земли, убегающей вдаль. Я чуть притормозил лошадь и дал ей возможность отдохнуть, а сам спрыгнул на землю и осмотрелся.

Теперь я понял, почему старик сказал про дожди. Сейчас земля сухая и потрескавшаяся, но на ней множество различных следов: ног, копыт, колес. Глина. Как только она размякнет, то превратится в непролазную грязь. Надо как можно быстрее уехать отсюда. Возможно, дальше дорога будет лучше.

Поправив привязанные на седле мешки, поехал дальше. По пути мне то и дело встречались различные поселения, расположившиеся по обе стороны от дороги. В одну из деревень я заехал и купил кринку молока и буханку свежего хлеба. Узнав о том, что я еду по тракту в Красноярск, один мальчик лет десяти увязался следом. Сначала я ему велел возвращаться домой, но он лишь останавливался, чтобы потом, когда я отвернусь, снова идти за мной. Пару раз пригрозил, что отлуплю, если не отвяжется, но на него это никак не подействовало. В общем, пришлось взбираться на лошадь и

рысью уезжать от приставучего мальчика.

К вечеру, когда начало темнеть, я добрался до почтовой станции, где решил остановиться на ночь. Обе комнаты с кроватями были заняты, поэтому разместился на лавке в большой комнате ожидания.

Ехать по незнакомой дороге потемну очень опасно. Можно не только на разбойников нарваться, но и не заметить препятствие или напороться на торчащий сук. Уж лучше переночевать в забитой под завязку почтовой станции, чем строить шалаш и сидеть у костра, отпугивая комаров.

— Эй, парень, можно рядом с тобой разместиться? — слышался голос над самым ухом.

Я только прикорнул, подложив под голову свои вещи, которые не осмелился оставить привязанными к седлу. Пепельная была в общей конюшне, поэтому любой мог подойти и забрать мешки и рюкзак.

Приоткрыв глаза, увидел над собой тщедушного мужичка в красной вязаной шапке и в дорогом сюртуке явно с чужого плеча.

— Можно, — выдохнул я, поднялся и, переместив вещи на другую сторону лавки, прислонился к стене. Ну вот, поспать не удалось. Жаль, а то так сладко задремал после бессонной ночи и целого дня пути.

Мужичок опустился рядом, снял с плеч холщовую котомку и, раскрыв ворот, начал вытаскивать свертки. Развязав один из них, продемонстрировал кусок сала с плотными про-

жилками мяса.

— Тебя как зовут, молодчик? — спросил он и, достав из сапога нож, принялся нарезать сало тонкими ломтиками.

— Степан.

— О, хорошее имя. Моего батю Степаном звали. А меня все кличут по прозвищу — Зяблик, — он улыбнулся, обнажив гнилые пеньки зубов.

— Зяблик? И вы не обижаетесь? — удивился я.

— Чего ж мне обижаться, если фамилия у меня Зябликов? А имя сложное, не каждый запомнит... Аполлинарий.

Он нарезал половину куска сала и развернул следующий сверток, в котором оказалась буханка черного хлеба. У меня от запахов и вида еды засосало под ложечкой. Семен положил мне с собой поесть всё, что нашёл в доме, но я так устал, что решил подкрепиться утром, однако теперь я просто захлебывался слюнями. Кроме крынки молока с хлебом за весь день ничего не ел.

— Ну, чего сидишь? Угощайся, — предложил Зяблик, взял кусок хлеба, сверху положил сало и протянул мне.

— Спасибо, — я не стал отказываться и с удовольствием откусил угощение.

Перченное сало с легким ароматом чеснока было просто восхитительно. Хлеб — с едва уловимой кислинкой и горьковатой коркой. В общем, сам не заметил, как все умял.

— Сало сам солю. Каждую осень покупаю у соседа половину его пороса и засаливаю. На весь год хватает. Мне много

не надо. Один живу.

Тем временем он раскрыл остальные свертки, в которых оказался репчатый лук, вяленая морковь и сухари с сахаром.

— Эй, Любушка, горячего чайку не найдется для уставших путников? — махнул рукой Зяблик молодой женщине, которая вышла из кухни и собирала грязную посуду с опустевшего стола.

— Три копейки, — ответила она и смахнула крошки на пол.

— А бесплатно?

— Бесплатно только дураки суются туда, где их не ждут, — ответила Любушка, прихватила посуду и двинулась в сторону кухни.

— Хотя бы кипяточка налей, — взмолился мужичок. — Я даже твою посудку пачкать не буду, своя имеется.

С этими словами он вытащил из котомки помятую оловянную кружку.

— Принесите две кружки чая с сахаром. Я заплачу! — выкрикнул я и полез в карман за мелочью, но там осталась лишь одна монета в две копейки.

Женщина исчезла за дверью кухни и вскоре явилась с подносом, на котором стояли две глиняные кружки. Я же полез в рюкзак, где на самом дне лежали деньги. Взяв про запас побольше монет и несколько мелких купюр, расплатился с женщиной, а остальное убрал в карман.

— Вот спасибо тебе, братец. Крепкий и сладкий — как я

люблю, — хлебная горячий чай, сказал Зяблик.

— Это в благодарность за сало, — ответил я и прислонился к стене, чувствуя, как веки наливаются свинцом.

Усталость брала свое, поэтому я не заметил, как заснул. Снилось мне длинная дорога, которой не было конца. Будто я все иду и иду, но никак не могу дойти до нужного места.

Проснулся от топота сапог, разговоров и звука отодвигаемых стульев. Те, кто ночевал в комнатах, вышли на завтрак. Кухарка, на этот раз уже другая, быстро разносила тарелки с горячей кашей и каждому предлагала сыр и вареные яйца за отдельную плату.

Потянувшись, осмотрелся и увидел, что Зяблика рядом нет. Скорее всего, проснулся раньше меня и уже двинулся в путь. Кстати, куда он шел? Кажется, я даже не поинтересовался, куда он направлялся.

— Есть будешь? — спросила у меня кухарка.

— Буду, — кивнул я, понимая, что еще не скоро представится возможность поесть горячего.

Полез в карман за деньгами, которые вчера достал из рюкзака, но их не оказалось. Странно, я прекрасно помню, что вытащил больше, чем надо было, и положил в карман.

— Не задерживай. Видишь, сколько людей, — поторопила меня кухарка.

— Сейчас, — я повернулся к рюкзаку, который лежал рядом на лавке, и недоуменно остановился.

Ни рюкзака, ни мешков — моих вещей нет.

— Ну чего ты там? — раздражалась женщина.

— Кажется, меня обокрали, — процедил я сквозь зубы, сжал кулаки и еле слышно добавил: — и, кажется, я знаю, кто это сделал... Зяблик.

Глава 2

Я вскочил на ноги и осмотрелся, хотя прекрасно понимал, что след Зяблика уже простыл. Затем ломанулся к двери, на бегу сшибая стулья и скамьи, и выскочил на улицу.

Время еще было раннее. Солнце только осветило кроны деревьев, лес и дорога утопали в молочном тумане.

Оббежав весь двор, я удостоверился, что вора нигде нет. Как же я не заметил, что меня обворовали? Ведь даже из кармана этот подлец Зяблик все вытащил.

И тут я вспомнил, что съел хлеб с куском сала из его рук. Сало было вкусное, но очень уж перченое и густо посыпанное натертым чесноком. А сам он, кстати, к салу не притронулся, ограничившись хлебом с луком. Уж не в сала ли дело? Подсыпал туда что-то? Вполне возможно, ведь я вырубился почти сразу, как съел угощение. Где же мне теперь искать этого вора?

По двору почтовой станции неспешно прохаживался худощавый мужик и собирал лопатой в тележку конское дерьмо. Я быстро подошел к нему и, преградив дорогу, спросил:

— Знаешь Зяблика?

— Кого? — нахмурил он брови.

— Зяблика. Фамилия у него Зябликов. Пришел вчера.

— Никакого Зяблика не знаю, — мотнул он головой. —

Да и как можно всех знать, если у тракта стоим? Через нашу

станцию столько народу проходит, что даже лица не успеваешь запоминать, не то что имена или прозвища, — он огляделся и, удостоверившись, что двор чист, положил лопату в тележку и покатыл ее в сторону конюшни.

— Городовые у вас здесь поблизости есть?! — крикнул я ему вслед, совершенно не представляя, что делать и где искать вора.

— Не-а, городовые у нас только проездом бывают. А что случилось-то? — он остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Обокрали, — выдохнул я, чувствуя, как внутри нарастает ярость. Так бы и разорвал Зяблика собственными руками, ведь у меня в рюкзаке лежали не только деньги, но и паспорт. Куда я без документов и денег?

— Да ты что, — мужчина с сочувствием посмотрел на меня. — У нас такое редко бывает. Ты к смотрителю иди или к деревенскому старосте. Они здесь власть — пусть решают.

— Да, верно, — кивнул я и двинулся к дому.

Смотритель, который записал вчера мои данные из паспорта в свой журнал, сидел за столом в кабинете и раскуривал мундштук.

— Меня обокрали, — сказал я, едва зашел в кабинет.

Тучный мужчина с пунцовым носом закашлял, поперхнувшись дымом.

— Как обокрали? Когда? — хрипло спросил он.

— Ночью, — я приложил руку к голове, чувствуя, как

внутри все шумит. Скорее всего, из-за той отравы, что подсыпал грабитель. Нанес себе на лоб руну «Чистоты», и сразу же стало легче.

— Ты знаешь, кто это сделал? — откашлявшись и погасив самокрутку, уточнил смотритель и взял в руку перо.

— Да. Он представился Зябликом. Подсел ко мне вчера вечером. Угостил салом, после чего я ничего не помню.

— Зяблик? Он что, на птицу похож? — мужчина напряженно посмотрел на меня.

— Нет, сказал, что у него фамилия Зябликов. Есть человек в вашем журнале с такой фамилией? — я кивнул на толстый фолиант с потемневшими уголками страниц.

Смотритель притянул к себе журнал и, облизывая палец, начал перелистывать страницы, внимательно читая все записи.

— Пивоваров... Драгунский... Жикин... Самородов... Вчера никакого Зябликова не было. А может, он соврал?

— Может и соврал, — раздраженно выдохнул я.

Вполне вероятно, что смотритель прав. Зяблик, или как там его зовут, явно намеревался меня обокрасть, поэтому выдумал прозвище и фамилию. Но как же теперь его искать? По приметам он походит на каждого второго: среднего роста, худощав, потемневшее обветренное лицо, плохие зубы. Правда, одет был странно: красная вязаная шапка, будто детская, и дорогой сюртук, какой обычно носят богатые люди.

И тут я вспомнил одну важную деталь, которую сначала

упустил.

— Где вчерашняя кухарка?! — прокричал я.

— Кухарка? На что она тебе? — напрягся смотритель.

— Вор ее Любушкой назвал. Значит, они знакомы.

— Да, вчера Люба кашеварила, — задумчиво ответил смотритель. — Она из местных, деревенских.

— Где она живет? — я уже вцепился в ручку двери, чтобы побежать на поиски женщины.

— Не знаю. В гости не захаживал. Замужняя она. Ты к старосте беги. У него на крыше дома аисты гнездо свили, не ошибешься.

Я кивнул, распахнул дверь настежь и на всякий случай уточнил:

— А вы не пойдете?

— Нет, не могу место оставить. Важного гостя жду. Предупредили, что сегодня будет проезжать, надо бы встретить как полагается, а то по шапке прилетит, — вполголоса пояснил он.

Я несколько не удивился его ответу. С первого дня появления в этом мире понял, что все проблемы придется решать самому.

Выбежав со двора почтовой станции, рванул в сторону деревни, что стояла неподалеку, в метрах трехстах от дороги. Как и сказал смотритель, дом старосты нашел быстро, по большому гнезду аистов.

— Кто такой? Что надо? — на стук в двери показался

широкоплечий мужчина с окладистой бородой и невероятно светлыми серыми глазами.

— Мне нужна кухарка Люба, что работает на почтовой станции! — выпалил я, пытаюсь восстановить дыхание, сбившееся после быстрого бега.

— На что она тебе? — нахмурил он кустистые брови.

— Меня обокрали на станции, а она знает вора, — уже более спокойным голосом ответил я.

— Обокрали? — напрягся староста. — А ну пошли за мной.

Мы спустились с крыльца и двинулись по дороге. Дом кухарки оказался на другом конце деревни, поэтому на путь потратили минут пятнадцать, не меньше. Я поторапливал мужчину, ведь Зяблик с каждой минутой все больше отдалялся от станции, и, значит, его будет все труднее и труднее найти.

— Любка, выходи! — староста остановился у калитки, за которой разрывал глотку громким лаем злобный пес. — Люб-ка!

Я уже хотел отпугнуть пса с помощью руны, но тут из окна показалось заспанное лицо женщины, которая через несколько секунд вышла на крыльцо.

— Цыц, Бублик! — прикрикнула она на пса, спустилась с крыльца, стуча по ступеням голыми пятками и кутаясь в пуховый платок, и направилась к нам.

— Чего тебе? — зевнув, спросила она у старосты и пере-

вела на меня удивленный взгляд.

— Вот, мальчика обокрали, — староста ткнул пальцем в мою сторону. — Говорит, что ты знаешь вора.

— Зябликов его фамилия. Помните его? Вот такого роста, — показал я рукой примерный рост, достигающий до моего уха. — Подсел ко мне вчера вечером и попросил у вас чая, а потом...

— А-а-а, помню. Только никакой это не Зябликов, а Ванька Ключев. Живет в соседней деревне. Часто туда-сюда шляется. Не сидится ему дома.

— Ванька Ключев, — повторил я, запоминая настоящее имя вора. — Как мне найти ту деревню?

— Так вон по той тропе иди и дойдешь, — махнула она рукой. — У реки они. Деревня Семушино называется. Там Ваньку каждая собака знает, покажут. Неужто засранец за старое взялся? Ведь отсидел уже за воровство. Я-то думала, что одумался, а он...

Я уже не слушал, а торопливо двигался в указанном направлении. Тропинку нашел быстро и двинулся по ней, чувствуя, как все клокочет внутри от гнева. Во-первых, я злился на этого самого Ваньку, который устроил мне проблемы на ровном месте. Не успел я из города уехать, а тут такое!

Во-вторых, злился на себя. Попался, как желторотый юнец. Сам ведь знаю, что у дороги много разного отребья трется. И ведь даже не подумал, что салом можно отравить. Вот и хитер этот Ключев. От хлеба или лука человек мог от-

казаться, а вот от куска сала, который вкусно пахнет и аппетитно выглядит — вряд ли кто откажется, трудно удержаться. Тем более когда угощают бесплатно.

Я не заметил, как вышел из леса и очутился на краю довольно большой деревни, расположенной на берегу быстрой реки. На улице народу было много, кто-то торопился на работу, кто-то отводил скот на пастбище, кто-то сидел на крыльце с кружкой чая и следил за соседями.

— Приветствую! — поздоровался я с мужчиной, который снимал сеть с жердей. — Не подскажите, где Ванька Ключев живет?

— Здорово, раз не шутишь, — спокойно ответил он, подозрительно оглядел меня и быстро установил: — не нашенский ты. Для чего тебе этот оболтус?

— Денег должен, — я не стал вдаваться в подробности.

— Понятно, — усмехнулся мужчина. — Он уже всей деревне задолжал. Только возвращать ему не с чего: не работает и отец ему не помогает.

— Мне вернет, — глухо ответил я.

Мужчина снова внимательно посмотрел на меня и, видимо, заметил решимость на моем лице.

— Будешь свое выбивать — и мою трешку прихвати, буду признателен, — понизив голос, сказал он и указал на дом с покосившимся забором. — Здесь он живет.

Я кивнул и двинулся к указанному дому. Перемахнув через калитку, подошел к окну и заглянул внутрь. А вот и Зяб-

лик собственной персоной! Мужчина сидел за столом и нарезал твердый подкопченный сыр, который Семен положил мне с собой. Я даже узнал ту цветастую тряпицу, в которую сыр был замотан. Вот ведь гад!

В два прыжка я очутился у двери и без стука влетел внутрь.

— Ну что, Зяблик Ключев, попался! — заорал я и, выставив руки, бросился на него.

Мужчина застыл с куском сыра в руке и не успел никак отреагировать. Я повалил его на пол, снял с него пояс и быстро перевязал руки.

— Где мои вещи? — процедил я сквозь зубы, предварительно надавав ему несколько оплеух, чтоб сговорчивее был.

— Все здесь! — взвизгнул он и взглядом указал на кровать.

На ней высился ворох моих вещей, а рядом на подушке лежали аккуратно сложенные деньги и отдельно — монеты.

Я быстро подошел к кровати и начал собирать в мешок и рюкзак все, что принадлежит мне.

— Ты не сдавай меня законникам, — подал голос Ключев. — Я ведь случайно. Не хотел.

— Бабушке своей будешь сказки рассказывать про «случайно» и «не хотел», — огрызнулся я, не оборачиваясь.

— Честное слово, не за тобой пришел.

— То есть кого-то другого хотел обокрасть. Верно?

— Д-да, — еле слышно ответил Зяблик. — Только он, го-

ворят, сегодня должен прибыть. Я лишь хотел свою новую задумку опробовать, а тут ты...

— Это ты про отравленное сало?

— Не отравленное оно! Я не душегуб! — снова взвизгнул он. — Порошок для хорошего сна удалось достать, вот и решил испытать.

— На себе надо было испытывать. Так бы и дал тебе еще раз по шее! — зло выкрикнул я и поднял руку. — А зачем обворовал?

— Да как-то руки сами прихватили. Я даже не успел ничего понять, а уже шел домой с твоими вещами, — извиняющимся голосом сказал он.

— Врешь, — я завязал мешок, повесил за спину рюкзак, подошел к мужчине и рывком поставил его на ноги.

— Что это ты задумал? — испуганно спросил Зяблик.

— Отведу к старосте, а уж он пусть сам решает, что с тобой делать.

— Не надо к старосте! Не надо к старосте! — он хотел вырваться, но я держал его крепко. — Хочешь, денег дам? У меня припрятано немного на черный день.

— Мне чужого не надо, а за ошибки нужно отвечать.

Я выволок его на улицу и увидел, что к дому торопливо идут староста соседней деревни и кухарка.

— Он?! — крикнул мне издали староста.

— Он! — кивнул я.

Староста пообещал заняться им, но прежде попросил на-

писать заявление о краже. Я пообещал сделать это у смотрителя и направился к почтовой станции. Узнав обо всем, смотритель дал мне лист бумаги и велел все расписать: как вор угостил меня салом, как я нашел свои вещи в его доме. Мне было жалко времени, но я подумал, что Зяблик должен понести заслуженное наказание, поэтому все подробно расписал.

Смотритель то и дело выбегал из кабинета и спрашивал у своего работника, не приехал ли какой-то Дубин. Видимо, это и был человек, которого намеревался обокрасть Зяблик, после того как испытает свое средство на мне.

Покормив Пепельную и плотно пообедав, я продолжил путь. К этому времени туман рассеялся, лес наполнился щебетом птиц, а теплые лучи солнца приятно грели спину.

Я проехал километров семь, но за весь путь никого не встретил, а мне казалось, что эта дорога довольно оживленная, ведь соединяет крупные города. Однако время шло, но мне так никто и не попадался. Меня это несколько не смущало. Наоборот, я был рад, что могу ехать посреди дороги и петь песни из моей прошлой жизни.

— ... в мир теней и мрака ты врываешься смело. С печатью на сердце, с силой в руках. Знак за знаком, словно яркий свет созвездий, ты высекаешь руны — ключи к судьбе и...

Я замолчал, увидев впереди у обочины что-то странное. Притормозив Пепельную, прыгнул на землю и, скрывшись в кустах, на полусогнутых практически бесшумно устремился

вперед.

Среди деревьев лежала поваленная набок карета. Лошадей не было, как и кучера. Я подошел вплотную и осмотрелся. Карета дорогая: прочное дерево покрыто лаком, на стенах и дверце — позолоченные вензеля. Внутри все обшито синим бархатом, занавески — с позолоченными кисточками. Ага, одно переднее колесо отсутствует, и задняя ось сломана. Такую карету придется волоком тащить, может, поэтому и бросили у дороги.

Я заглянул внутрь, но ничего интересного не нашел и хотел уже вернуться к Пепельной, но тут увидел, что на дороге, недалеко от кареты, темнеет лужа крови. Нападение. Но где же пострадавшие? Смогли сбежать или их убили и уволокли подальше в лес? Так, нужно добраться до ближайшего населенного пункта и доложить о случившемся, пусть разбираются те, кто должен.

Вышел из кустов и свистнул своей лошади. Та легкой рысью побежала ко мне, и вдруг откуда-то слева из леса послышался стон. Развернувшись, взгляделся вглубь леса, но ничего не увидел. Послышалось, что ли?

Тем временем Пепельная добежала до меня и остановилась рядом как вкопанная. Я схватился за седло и хотел уже поставить ногу в стремя, когда из леса снова раздался подозрительный звук, очень похожий на стон. Стало тревожно на душе: а если кому-то нужна помощь, а я просто уеду? Нет, я так поступить не могу.

Я завел Пепельную в лес, чтобы проезжающие на нее не позарились, привязал к дереву и двинулся в сторону звука. Вскоре стон повторился, и я больше не сомневался — это был человек. Оббежав густой колючий малинник, очутился на краю глубокого оврага с крутыми скатами. На дне лежали два человека. Один был неподвижен и лежал лицом вниз с неестественно вывернутыми руками и ногами и больше походил на тряпичную куклу. Второй же был в сознании, но весь в крови. Цепляясь за траву и мелкий кустарник, он пытался подняться из оврага, с трудом толкаясь одной ногой, ведь вторая просто болталась.

Увидев меня, он остановился и испуганно вытаращился единственным уцелевшим глазом, второй был подбит, поэтому опух и посинел.

— Не бойтесь! — крикнул я. — Я вам сейчас помогу!

Скаты оврага были очень крутые, поэтому будет трудно вытащить раненого. Я задумался на мгновение, но тут же подбежал к березке, что росла на краю оврага, снял с себя пояс и, завязав один конец себе на руку, второй бросил мужчине, а сам схватился изо всех сил за ствол дерева.

— Держитесь, я вас вытяну, — велел я.

Мужчина с кряхтением и стоном дотянулся до конца пояса и кивнул.

— Только крепко держитесь, а то снова скатитесь вниз, — предупредил я и начал тянуть.

Мужчина был намного крупнее меня, поэтому я потратил

немало сил, чтобы подтянуть его повыше и, ухватившись за его одежду, вытащить из оврага. С трудом дыша, я привалил его спиной к дереву и бегло оглядел. На вид лет тридцать. Волосы русые до плеч, нос прямой, щеки бледные, губы посиневшие. Он был весь изранен и, судя по тому, как порезана одежда, ранили его саблей или похожим оружием.

Не говоря ни слова, я опустился рядом с ним на корточки, взял его окровавленную трясущуюся руку и начал рисовать руны. Они вспыхивали и пропадали, даря мужчине облегчение боли и исцеление.

Потратив на него почти половину всей своей энергии, я поднялся на ноги и вернулся к краю оврага. Второй человек лежал в том же самом положении. Либо без сознания, либо...

— Он мертв, — подал голос мужчина.

— Что с вами случилось? — я подошел к нему и заметил изменения.

Дыхание ровное и глубокое, глаза ясные, щеки уже не такие бледные. Мое лечение принесло результаты.

— Напали... Свои же.

— Кто эти «свои»? — не понял я.

— Охрана. Знали, что у меня при себе крупная сумма, вот и решили поживиться, — он чуть приподнялся и осмотрел рану на бедре, которая уже начала затягиваться. — А ты кто такой? Как ты меня нашел?

— Меня зовут Степан Устинов. Знахарь я. Вижу болезни

в виде сущностей и лечу рунами. Сначала увидел карету в кустах. Потом услышал стон. Так и нашел. А вас-то как зовут?

— Для тебя - Боря Дубин, — он пожал мне руку и окинул внимательным взглядом. — Такой молодой, а не испугался. А я ведь со вчерашнего дня здесь лежу. Сначала кричал, пока силы были. Мимо точно люди проезжали, но никто не остановился. Ведь наверняка и карету мою видели, и крики слышали, — он тяжело вздохнул и, схватившись за ствол дерева, поднялся на ноги. — Сам-то ты куда направляешься?

— В Красноярск, а оттуда в Москву.

— О-о, далеко собрался. А что тебе в Москве делать?

— В медицинскую академию хочу поступить. Иначе лечить мне не дозволяется.

— Хорошее дело задумал, правильное.

Он прошелся и осмотрел себя.

— Как же ты так быстро меня вылечил? — удивился он.

— Уж и не болит ничего, и кровь не сочится.

— Магия рун сильнее, чем обычные лекарские методы, — улынулся я.

— Ох и сильный же ты знахарь, Степан. Дай обниму, — он сделал шаг мне навстречу и крепко обнял. — Спасибо! От всей души благодарю. Вот ведь какая удача, что ты меня нашел. Я не из тех, кто сложит руки и помрет, поэтому продолжал пытаться выбраться из этой адской ямы, но в какой-то момент показалось - всё, конец, видимо, здесь и останусь.

— Рад был помочь, — кивнул я.

Я поймал себя на мысли, что мне даже в голову не пришло проехать мимо. Все-таки даже в новом теле и в новом мире я бросаюсь на помощь, не задумываясь о возможных неприятных последствиях для себя.

Мужчина отпустил меня, подошел к краю оврага и с сочувствием посмотрел на погибшего.

— Это Дима, мой кучер. Полгода назад я его взял к себе. Беспризорником был, на улицах побирался. Вот ведь как мало пожил. Шестнадцать только исполнилось, — он покачал головой, тяжело вздохнул и повернулся ко мне. — Степа, помоги мне до дому добраться. Оттуда отправлю людей за Димой и письма разошлю. Надо поймать убийц, пока далеко не уехали.

— Где вы живете?

— Отсюда примерно... — он задумался. — Два дня пути.

— Два дня? Хм... Может, лучше к почтовой станции? — предложил я.

— Нет, толку от зрителя не будет. Есть у меня друзья, которые в лепешку расшибутся, но доставят ко мне негодяев, — мужчина говорил спокойным голосом, но в его глазах была такая решимость и ненависть, что я понял — расплата будет не по закону.

Ну что ж, имеет право.

— Пора уходить. Диме мы уже ничем не поможем.

Мы вышли из леса. Проходя мимо своей кареты, мужчина

остановился и, внимательно осмотрев ее, покачал головой.

— Три тысячи за нее заплатил.

— Расскажите подробнее, что случилось? — поинтересовался я.

— Сделку крупную с одним промышленником из Иркутска хотел провернуть. Деньги свои из банка забрал. И нанял этих сволочей. Ведь по знакомству нанял. Посоветовали мне их, — Борис плюнул себе под ноги, распахнув дверь кареты, нагнулся и начал рыться под сиденьем. — И отсюда забрали, гады! Оставлял на мелкие расходы несколько сотен. Вот ведь твари какие! Убью.

Я нисколько не сомневался, что он осуществит угрозу. В его глубоком, устремленном вперед взгляде было столько ярости, что я сразу понял — такой человек ни перед чем не остановится.

— Ладно, надо идти.

Я посадил его на Пепельную, ведь раны хоть и затянулись, но все еще не зажили до конца и причиняли боль при движении. Взяв лошадь под уздцы, повел ее вперед.

Как оказалось, Борис владел поместьем рядом с крупным селом под названием Хвойный бор. Именно туда мы и направлялись.

К вечеру нас догнала повозка с супружеской парой, направлявшейся также в Красноярск. Мы вместе переночевали, дежуря по очереди, а утром продолжили путь. На этот раз Борис поехал в повозке, а я на Пепельной, поэтому уже

вечером второго дня мы добрались до Хвойного Бора.

— У меня переночуешь, а утром я тебя провожу. Может, приставить к тебе кого-нибудь? Вдвоем веселее и безопаснее будет, — предложил он, когда мы двинулись по широкой аллее к большому дому, утопающему в зелени.

— Не надо. Я уж как-нибудь сам.

— Ну как знаешь, но без подарков от меня не уедешь. Ты же спаситель мой. По гроб жизни буду тебе обязан, — он приобнял меня за плечи.

Мы прошли еще немного, и дом предстал во всей красе: белый, двухэтажный, с резными наличниками и узорными перилами.

— А чего так темно? — насторожился Боря. — Постой-ка здесь.

Крадучись он подошел к темному квадрату окна и, встав на носочки, заглянул внутрь. Я же отвел Пепельную в сторону, к деревьям, и привязал к стволу. Тревога Бори передалась мне. Если уж хозяину дома что-то показалось подозрительным, то это не просто так.

Вдруг дверь открылась, и на крыльце показались двое мужчин, о чем-то неспешно разговаривающих. Боря прижался к стене, вытаращился на меня и приложил палец к губам. Мужчины тем временем спустились с крыльца и пошли за дом по дорожке в другую сторону. Боря перебежал ко мне, в тень деревьев, и быстро прошептал:

— Так ведь это же они — мои убийцы.

Глава 3

Мы с Борисом сидели в кустах в его собственном саду и думали, как поступить.

— Вот ведь сволочи какие, — зло прошептал он. — Мало им было моих денег, домой ко мне приехали грабить. Как там Глашенька? Надеюсь, успела убежать, — он сокрушенно покачал головой.

— Глаша — ваша дочь? — спросил я, прислушиваясь к разговору, доносящемуся из-за дома. Мужчины возвращались.

— Нет у меня дочери. Экономка моя — Глафира. В матери мне годится. На нее хозяйство оставляю, когда уезжаю.

— Ясно. Вы уверены, что это и есть ваша охрана? — с сомнением спросил я. — Ведь темно, лично я лиц не рассмотрел.

Мне было непонятно, почему мужчины не скрылись с награбленным, а вот так нагло пришли в дом человека, которого обокрали, и попытались убить. К тому же вели себя более чем вольготно и, в отличие от нас, не таились, а спокойно перемещались по двору, будто это был их дом.

— По голосу и фигурам узнал. Тот коренастый — Юрка, а второй с длинным носом — Родион. Бывали у меня дома и знают, что в нем есть чем поживиться. Вот и приперлись. И ведь не боятся! Эти твари думают, что я тоже с Димкой

умер. Я ведь от ран сознание потерял и пришел в себя уже на дне оврага. Ну ничего, я им за все отомщу, — он сжал кулаки и заиграл желваками, когда мужчины также не спеша показались из-за дома.

— Стойте, — я положил руку на плечо Борису, когда тот уже приготовился выпрыгнуть из кустов навстречу разбойникам. — Надо подумать.

— Что тут думать? — прошептал он, не спуская с них прицельного взгляда. — Они же меня не ждут. Этим и возьму. Эффект неожиданности называется.

— Сколько всего в их отряде человек?

— Пятеро было.

— Ну вот, значит, остальные в доме. Услышат возню и выбегут. Боюсь, на этот раз они могут завершить начатое.

Борис шумно выдохнул, поджал губы и кивнул.

— Ты прав. Что предлагаешь?

— Вместе пойдем. Я помогу.

— Чем? — он удивленно воззрился на меня. — Убьют тебя, как Димку. Себе я этого никогда не прощу. Здесь сиди или лучше уезжай. Не следует тебе в это дело лезть. Поберегись.

— Один вы не справитесь. Я кое-что придумал.

— И что же? — заинтересовался он.

Я подробно описал, кто и что должен делать. Борис сначала не согласился, но я уверил, что за меня можно не бояться и я позабочусь о собственной безопасности.

— О-хо-хо, боюсь я за тебя, — покачал он головой, — но сейчас другого пути нет. Либо делать, как ты говоришь, либо отходить и ждать, когда прибудет подмога, а к тому времени эти сволочи могут скрыться. Не хотелось бы их упускать. Ищи-свищи их потом по белу свету.

— Верно, поэтому действуем по моему плану, — с нажимом проговорил я.

— Ладно, — махнул он рукой. — Действуй, а я пока к задней двери проберусь.

Отвязав лошадь, вывел ее на середину аллеи, взобрался на нее и, нарочито громко распевая песню про могучего руномага, двинулся к парадному входу.

— ...магия твоя как буря, что разгоняет тьму и дарит всем надежду. Пусть страх отступит пред твоей грозной отвагой! — я спрыгнул с лошади у ступеней и прокричал: — Дядька, что ж ты не встречаешь? Добрался наконец-таки. Весь зад себе в пути отбил. Гостинцев мамка тебе передала, да не все довел. Портиться в дороге начали — пришлось выкинуть.

Закинув на плечо свои мешки и рюкзак, поднялся на широкое крыльцо и, взявшись за дверную ручку, потянул на себя и чуть нос к носу не столкнулся с коренастым мужиком, глаза которого зло блеснули в полутьме.

— Ты кто такой? — грубо спросил он.

— Я-то Ванька Ключев, — вспомнил я настоящее имя Зяблика. — А ты кто такой? Не припомню я, чтобы у дядьки такой работник был.

— Какой еще дядька? Вали отсюда, малой, пока уши целы, — он поднял кулак и поднес к моему носу.

Сзади показались еще двое сурового вида мужчин. У одного в руках была сабля. Возможно, а та самая, которой исполосовали Борю.

— Хорошо, как скажете, — ответил я, но вместо того чтобы уйти, опустил мешки на пол крыльца и, вскинув руку, быстро начертил «Громулу».

Оглушительный звук вместе с ослепительно белым светом озарили дом.

— Какого черта!

— Что это было?

— Я ослеп! Ничего не вижу! А-а-а!

Я воспользовался паникой и первым делом обездвигил коренастого. В это время через заднюю дверь в дом ворвался Борис с топором в руке. Ни на мгновение не засомневавшись, с диким криком ринулся на своих несостоявшихся убийц и с яростью начал наносить удары. Послышались крики боли и отчаяния, но у меня к ним не было никакого сочувствия. Они получали по заслугам.

Я не стал участвовать в этом и двинулся по дому. Борис говорил, что нападавших было пятеро, но здесь их только трое. Остальные либо попрятались где-то, либо их здесь нет. Прошелся сначала по первому этажу, даже в кладовую заглянул и в большие бочки с солеными огурцами, но никого не обнаружил. Тогда подошел к лестнице на второй этаж и

начал подниматься. В это время у двери наступила тишина. Слышалось только тяжелое дыхание Бори.

Вдруг сверху в полутьме длинного коридора мелькнуло что-то белое. Будто кто-то перебежал. Ага, значит, кто-то все-таки остался в доме.

Стараясь двигаться бесшумно, поднялся на второй этаж и пошёл вдоль стены, готовый в любой момент применить «Громулу», которая срабатывает за доли секунды, поэтому является наиболее эффективной руной, когда надо сбить с толку и дезориентировать.

Вокруг царила оглушительная тишина, только с первого этажа слышался звук волочения. Видимо, Борис решил прибрататься после акта возмездия.

Я дошел до первой двери и, приложив ухо к щели, прислушался. Тишина. Осторожно толкнул дверь и быстро заглянул внутрь. Это была спальня: кровать с балдахином, небольшая печка в углу, громоздкий комод и сундук. Из окна падал лунный свет, который хорошо освещал комнату. Наклонившись, заглянул под кровать — никого. Ну не в сундук же он спрятался?

На всякий случай решил проверить и, как только подошел к сундуку с выпуклой крышкой, услышал шуршание внутри. Уже хотел применить одну из рун, но услышал торопливый испуганный шепот:

— Умоляю, не убивайте... Умоляю.

Голос женский. А вот и Глашенька нашлась.

— Не бойтесь. Я пришел с Борей, — подал я голос и приподнял крышку. — Вы же Глафира, верно?

— Д-да, — женщина сама откинула крышку и, приглядевшись ко мне, с облегчением выдохнула. — А где Борис Алексеевич?

Она вытащила из рукава платочек, вытерла слезы и шумно высморкалась.

— Внизу, прибирается. Скажите, а сколько разбойников было?

— Точно не знаю, как только они в дом ворвались, я спряталась. Потом слышу, какой-то шум. Решила проверить, может, уже ушли, и вылезла из сундука. А потом такой ужас начался, — она снова захлопала носом. Наверняка имела в виду «Громулу». — Я так боялась, что они сюда придут, но каждый раз мимо проходили. Будто знали, что здесь ничего ценного нет. Ведь это гостевая спальня. Здесь матушка Бориса Алексеевича ночует, когда в гости к нему приезжает.

— Думаю, что они знали, где и что искать. Оставайтесь здесь, а я пройду по остальным комнатам.

— Вот это возьми, — она подошла к печке, взяла кочергу и протянула мне.

Я не стал отказываться, взял чугунный изогнутый прут и вышел из комнаты, а потом увидел Бориса. Тот только поднялся на второй этаж и, взяв топор наизготовку, на полусогнутых ногах приближался ко мне.

— Степа, ты? — шепотом спросил он.

— Я. Здесь Глафира. С ней все хорошо.

— Фух-х-х, а то уже перепугался за нее, — он провел рукой по лицу и опустил топор. — Ты все комнаты проверил?

— Нет.

— Тогда сиди там и не высовывайся, — велел он, быстро подошел к противоположной комнате и, резко открыв дверь, забежал внутрь. — А-А-А!

Я рванул вслед за ним и чуть не налетел на высокого плечистого мужчину с огромным тесаком в руке. В комнате на полу корчился Боец. Разбойник тоже не ожидал меня увидеть, поэтому замер на мгновение. Этой заминки мне хватило на то, чтобы нарисовать на его шее руны паралича. Верзила свалился на пол у моих ног. Падая, он гулко ударился головой о дверной косяк.

Перемахнув через него, подбежал к Борису, который уже не кричал, а изо всех сил зажимал рукой плечо, из которого хлестала кровь.

— Я помогу, — сказал я, склонился над ним и нарисовал по очереди две руны «Исцеления».

Кровь остановилась, а мужчина растянулся на полу, тяжело дыша.

— За дверью прятался, сволочь. Ты его убил?

— Нет, только парализовал. Через пару минут он придет в себя.

— Не придет, — процедил сквозь зубы Боря, с кряхтением подполз к верзиле и, забрав из его руки нож, вонзил прямо

в сердце. — Прощай, Эдик. А казался таким надежным, что я всецело доверился ему и остальным. Скоты.

— Где-то должен быть пятый, — напомнил я.

— Ты прав, надо искать. Нельзя живым оставлять, — кивнул он и, схватившись за большой платяной шкаф, начал подниматься на ноги.

В это время в дверях показалась Глафира. Увидев мертвого верзилу, она испуганно прижала руку ко рту, но тут же бросилась на помощь своему хозяину.

— Борис Алексеевич, вы живы. Какое счастье. Как только они стали ломиться в дверь, я сразу поняла, что с вами что-то случилось, — она помогла ему подняться и крепко обняла. — Все глаза выплакала. Думала, конец нам всем пришел.

— Успокойся. Все хорошо. Живой, как видишь. И сама не пострадала. Глашенька, ты не знаешь, где пятая сволочь?

— Кто? — нахмурила она брови.

— Ну, пятый...

— Тихо, — шикнул я и подбежал к окну. К дому приближался всадник. Под копытами коня шуршал гравий, и вскоре из-за деревьев показался человек верхом на лошади. — А вот и пятый.

Пробежав мимо Бориса с Глашей, я очутился в коридоре и помчался к лестнице, чтобы успеть добраться до входа раньше, чем всадник. Трупов разбойников не было видно, только кровавые полосы на полу, ведущие к задней двери.

Приложив ухо к входной щели, услышал тяжелые шаги.

Человек остановился на крыльце, а я замер, готовый мгновенно среагировать. Время будто остановилось. Почему он медлит? Неужели что-то заподозрил?

— Эй, Юрка, ты чего до сих пор телегу добром не загрузил? Велел сделать к моему возвращению! Ничего вам доверить нельзя, — он грубо толкнул дверь и зашел в дом. — Какого лешего огни не зажгли? Нажрались опять, что ли? — он сделал еще шаг и чуть не упал, поскользнувшись на крови. — Это еще что такое?

Мужчина склонился, чтобы повнимательнее рассмотреть пол, а в это время я его ударил той самой кочергой по голове. Со стоном он свалился на пол и схватился за голову, а я нарисовал на нем руну паралича.

— Родион — главарь этой шайки, — сказал Борис, спустившись по лестнице. — А ведь мне сказали, что он много лет занимается охраной караванов. Вот такой вот охранник — натуральный бандит, — он с презрением плюнул на него, а затем тем же самым ножом, что убил верзилу, перерезал этому негодяю горло. — Ну вот и все. Теперь я спокоен — Димка отомщен.

Борис устало прислонился к стене и положил руку мне на плечо.

— Спасибо тебе. Выручил. Без тебя я бы не справился с этими сволочами. Угораздило же связаться с разбойниками.

— А кто вам посоветовал их?

— Один знакомый. Но с ним я еще поговорю. Очень по-

хоже на то, что это заказ. Кто-то решил пожить за мой счет, но просчитался.

Чуть позже Глафира вскипятила чайник, посадила нас за стол, а сама побежала в село за помощью. Боря уговорил меня остаться и отдохнуть хотя бы до утра, и я не стал отказываться, ведь много энергии потратил как на него самого, так и на убийц.

После горячего чая с куском хлеба и отварного мяса прошел в гостиную и лег на диван. Усталость пуховым одеялом накрыла меня с головой. Уже сквозь сон слышал, что пришли какие-то люди. Подложив под голову диванную подушку, провалился в крепкий сон.

— Степа, ты велел разбудить на рассвете, — меня за плечо легонько тронула Глафира. — Вставай, пора.

Я нехотя приоткрыл один глаз и увидел, что в окно светит яркое солнце — явно не рассвет.

— Кто приходил? — зевая, спросил я и с удивлением отметил, что в доме царит идеальная чистота. Будто ничего и не было ночью.

— Староста и его люди. Разбойников забрали.

— А Борис где?

— Борис Алексеевич помылся, переоделся и уехал вместе со старостой. Сказал, что... — она задумалась. — С каким-то знакомым хотел поговорить.

— Все ясно, — я понял, о каком знакомом идет речь, и, думаю, разговор будет тяжелым. Надеюсь, в этот раз обой-

дется без ранений.

— Пошли на кухню. Я завтрак приготовила. Любишь блинчики с творогом?

— Люблю, — кивнул я и только сейчас понял, насколько голоден.

Пока я завтракал, вернулся Борис. Он был в хорошем расположении духа. Первым делом я подлечил его руной «Исцеления», ведь раны еще не зажили и причиняли ему боль.

— Как прошел разговор со знакомым? — спросил я.

— Сбежал, паршивец. Но я отправил за ним следом одного верного человека. Далеко не уйдет.

— Понятно. Мне пора ехать. Не хочу задерживаться. Нужно успеть добраться в Москву до начала экзаменов.

— Верно. Может, все-таки приставить к тебе кого-нибудь? Проводят хоть до самой Москвы, — снова предложил он.

— Нет, в провожатых не нуждаюсь. А вот от хорошей карты я бы не отказался.

— Будет тебе карта. Бери все, что хочешь. Для тебя ничего не жалко.

Борис принес мне довольно подробную карту с обозначениями населенных пунктов, дорог и природных объектов: болот, рек, холмов и прочего. Затем всучил мне деревянный ящичек, внутри которой лежало оружие.

— Это револьвер. Подарил несколько лет назад один хороший друг. Мне без надобности, а тебе в дороге может при-

годиться. Хотя твои руны лучшего любого известного мне оружия. В первый раз встречаю рунного мага. Даже не знал, что они существуют.

— Спасибо за подарки, но мне пора ехать, — я убрал ящичек в рюкзак и поднялся на ноги.

— Это еще не все. Вот, держи, — Борис вытащил из кармана довольно увесистый кошель и протянул мне. — В Москве пригодится.

— Спасибо, — я не стал отказываться, ведь действительно не знал, что меня ждет впереди.

Борис с Глафирой вышли меня провожать. Я взобрался на Пепельную, которую женщина накормила и напоила, и, махнув на прощание рукой, поехал в сторону тракта. Вот так продолжилось мое путешествие. Не знаю, что ждет меня дальше, но скучно точно не будет.